

Мариэтта Чудакова

НАКАНУНЕ И ВОКРУГ

Во всем мире, наверное, нет больших скептиков, чем сегодняшние российские журналисты. Они не верят уже ни в сон, ни в чох. К тому же большинство усвоило какую-то томную манеру. Как пресытившаяся ухаживаниями красotka, они с ленцой сообщают читателю, как измучены и партократами, и национал-патриотами, и демократами. Газета Егора Яковлева в последнем номере публикует такой эпиграф (перепишивая, не скрою, с живым отвращением): «Самое время вспомнить истину: ко всему привыкаешь. В том числе — и к переворотам. Пережили социализм — переживем и торжество демократии». Забавная позиция мешает играющим такими словами увидеть, что они роняют себя. Что же тогда называть цинизмом?

В той же газете очень грустно было читать статью уважаемого Михаила Гелфера «Временщики против Времени», где к временщикам, похоже, отнесен и Президент. Это не просто несправедливо, а, так сказать, семантически неверно. Опять получается игра словами.

Все не так, все не то, какие-то «дурные советчики» все время не туда зовут Президента, а «нас», единственно хороших советчиков, он не слушается. С детской простотой (странной все-таки у таких умных людей) и все с той же необъяснимо капризной интонацией комментируется такое серьезное — и, конечно же, дорого давшееся Президенту, бесцельно засвидетельствовавшему свое нежелание преступать законы, — решение о роспуске Верховного Совета и съезде: опять «дурные советчики», которые «звали к необратимому реваншу. Дозволили!»

Нет, не так принимаются и не так комментируются решения, поворакивающие жизнь огромной страны.

Пишущие люди будто дали себе странный зарок — писать поперек ходу, да и только.

Все вспоминается рассказ Зошенко — как в первые послеоктябрьские годы племянник сурово учил деревенского дядю, взятого на службу швейцаром: «И почитательность чтоб не распускать, как раньше»

«Какое позорище — встречи нашей российской интеллигенции с властями, на которых ни у одного не находится мужества сказать, что происходит», — так сказал Ю. Н. Афанасьев на встрече в «Литгазете». Напечатаны эти слова 15 сентября — как раз в тот день, когда происходила встреча двух с небольшим десятков литераторов с Б. Н. Ельциным.

Всем нашим редакторам и публицистам заранее ясно, что ничего, кроме группового подхалимажа, там происходить не могло.

Это не простой скепсис, а советской выделки: «я — раб, ты — раб и он — раб: что между нами, рабами, может происходить, кроме хамства и холуйства?» Холуйства, конечно,

достаточно. Но отсюда никак еще не следует, что все — холоуи.

В начале августа группой литераторов было написано короткое письмо-обращение к согражданам. Оно начиналось словами о том, что события последних недель вновь требуют ответственного шага. «Противостояние Верховного Совета и всей системы Советов курсу реформ достигло предела. Катастрофический дефицит бюджета, стремление сорвать приватизацию, стимулировать рост военных расходов, расколоть правительство, взять под контроль средства массовой информации — такова стратегия действий Верховного Совета. «Всевластие Советов всех уровней перерастает в диктатуру, выступающую под лозунгами национал-коммунизма. Становясь официальной парламентской идеологией, она демонстрирует свою живучесть» — и снова, как в 1991 году, ставит Россию перед выбором: куда ей идти — назад, к тоталитаризму, или все-таки, через все трудности, вперед, к свободному, демократическому гражданскому обществу, сильному, процветающему правовому государству? Результаты апрельского референдума россияне твердо ответили на этот вопрос. Но опять, как в 1991-м, внушительная победа демократии уплывает из рук Президента и исполнительной власти. Легитимный — через Конституционное совещание — выход из кризиса, предложенный Президентом, к сожалению, пока не оправдывает надежд» Авторы письма поддержали «предложения демократической обществу».

На основании волеизъявления россиян, выраженного в ходе референдума, провести досрочные, не позднее осени текущего года, выборы высшего органа законодательной власти».

Письмо подписали 36 литераторов, среди них — А. Адамович, Б. Ахмадулина, В. Корнилов, академик Д. С. Лихачев, Б. Окуджава, Д. Гранин, В. Селюнин, Ю. Черниченко, Ю. Карякин. Полностью письмо было напечатано в малоизвестных «Литературных новостях» посылано Президенту и обратило на себя внимание (к удивлению авторов — моему, во всяком случае) Б. Н. Ельцина. Месяц примерно спустя он пригласил всех авторов обращения к себе. Был назначен тот самый

день, когда появилось сообщение о «болях в области позвоночника», и Президент отменил все встречи, кроме встречи с премьер-министром Турции. Вскоре была названа новая дата — 15 сентября.

«Мы вылетели из Боровицких ворот; сопровождающий крутанул левой рукой перед окном, постовой взмахнул палкой, еще два милиционера вдалеке повторили его жест, движение на Большом Каменном мосту, Знаменке и Моховой замерло, с визгом развернулась на 180 с лишим градусом стоявшая посередине площади машина, вылетела (повторяюсь, но не могу подобрать другого глагола) вперед и повела нас, отчаянно мигая белым и ярко-голубым огнями, по Большому Каменному — к Ленинскому проспекту.

Вот, господа, когда вспомнились мне устные рассказы Булгакова о Сталине, которые разыграла когда-то передо мной Елена Сергеевна Булгакова: «Мотоциклетка — дззз! И уже в Кремле! Миша входит в зал, а там сидят...».

Дззз — и вот вам уже памятник Гагарину, дззз — и вот уже кончается Ленинский проспект, начинаются леса по обе стороны шоссе. Вот она какая мигалка, оказывается. (Спутники уверяли меня, что у тех, кто ездит с ней постоянно, формируется особый взгляд на людей на улице и вообще особая психология; судить не берусь).

Мы мчались, как выяснилось вскоре, повторяя двухлетнюю давности путь нынешних Вечных Подсудимых, в ту самую бывшую дачу КГБ, где состоялся в августе 1991 года съезд членов ГКЧП.

Сопровождающий по телефону переговаривался с постами в Переделкине; искали Булата Окуджаву: он выехал с дачи, но попал в затор — Москва двинулась на Майкла Джексона, и он так и не смог добраться.

Едва успели войти, появился рослый улыбающийся хозяин — знакомиться с нами в фойе.

Видом своим он нас сразу же порадовал — это был другой человек, чем тот, которого мы видим последние два-три месяца на телеэкране — с неподвижным, одуловатым лицом, чем-то пугающе напоминающим далеких уже предшественников Лицо живое, не старое, неболезненное. Манера говорить энергичная, практически почти не заглядывая в записки.

(Окончание на 2-й стр.)

НАКАНУНЕ И ВОКРУГ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Все мы редко встречаемся, говорил он, государственность испытывает дефицит культуры, а вы чувствуете невосприимчивость возможностей ваших.

Он пригласил нас «для того, чтобы этот дефицит восполнить. Поводом явилось ваше обращение к гражданам России — смелое обращение, с позиций неконъюнктурных...».

Президент говорил о признаках стабилизации, которые «все-таки видны» — и не только специалистам, — о том, что особенно видны изменения в психологии людей, которые 75 лет и не знали, что такое частная собственность, не знали, что такое рынок, и вот сейчас оказываются в этой пучине» — и начинают «предпринимательством заниматься по-настоящему, активно, как и полагается заниматься». Не десять лет, а «буквально год-два, и обстановка будет очень серьезно меняться... Уже сегодня Россию признают как демократическое государство, как государство, которое вовсю вступило в рынок, которое опередило в этом отношении многие страны СНГ и тем, может быть, вышло из тяжелого кризиса...».

Речь пошла и о взаимоотношениях с ближним зарубежьем. «К России тянутся, и тянутся не по тем имперским меркам, которые были раньше, поскольку были субвенции», — произнес Президент со вкусом и глянул чертом, улыбаясь звучному слову, — и каждая республика получала эти субвенции от России. Сейчас такого нет; мы такие деньги не платим. Поэтому нельзя такими мерками сейчас измерять уровень отношений наших».

Итак, экономика; новая ситуация взаимоотношений с ближайшими соседями. Проблему двоевластия Президент практически не затронул — он явно ждал наших выступлений.

Кто сидел за столом? Очень разные люди, и этот распад прежней единомысленной среды весьма характерен: не было тех, кто еще года полтора назад непременно оказался бы здесь и были те, кто раньше вряд ли бы сюда попал. (Замечу, что несколько человек из тех, кому предлагали — и вполне мотивированно — подписать обращение, отказались это сделать, поясняя, что уже «никому не верят»: сомнительное приобретение последних лет).

Кроме уже упомянутых (среди подписавших) Ю. Карякина, В. Селюнина, Ю. Черниченко и двух петербуржцев — председателя тамошнего писательского союза М. Чулаки и филолога К. Азадовского, — на встрече пришли Лев Разгон, Анатолий Приставкин, автор исторических романов Юрий Давыдов, бывший секретарь Союза писателей поэтесса Римма Казакова, Роберт Рождественский; поэтесса Татьяна Кузовлева; секретари и энергичные организаторы Содружества российских союзов писателей (либерального — в отличие от союзского — крила распавшегося Союза писателей) Артем Анфиногенов и Владимир Савельев; активные с первых переломных лет и до наших дней публицисты Андрей Нуйкин и Валентин Оскоцкий; один из старейших критиков А. Борщаговский; пародист

А. Иванов; Я. Костюковский — в 50-е годы автор интермедий с Тарапунькой и Штпелселем, впоследствии автор сценариев кинокомедий и сатирических стихов; Андрей Дементьев, Кирилл Ковальджи, Николай Панченко.

Многие из этих людей были мне биографически, если не чужды, то далеки — мы прожили разные жизни. Но я с уважением отношусь к тому, что все они сделали некий общий выбор. Вполне возможно, что все делали его по разным мотивам. Но, как говорит Томас Мор в одной английской пьесе, у меня нет окошечка, чтобы заглянуть в чужую совесть.

Нам или все — или ничего. Или закадычные друзья, или знать тебя не желаю. Объединение разных людей по одному какому-то пункту — непременная часть работы механизма демократии — все еще явление редкое. Мотивы того или иного поступка интересуют пишущих соотечественников гораздо более самих поступков (мотивы эти, как правило, толкуются дурно). Понимание ценности поступка во многом утрачено газетным сознанием, разведаемым с одного боку чиновничьим скепсисом, а с другого — надрывным обличительством. «Я — раб, и ты — раб; у рабов не может быть поступков, только шкурные интересы».

За столом у Президента собрались люди, соединившиеся на основе определенного политического выбора, сделанного каждым индивидуально в один определенный момент, — вот и все. Но без таких соединений и объединений демократии, заметим, не одержать убедительной победы и на предстоящих выборах.

Начал В. Оскоцкий с подробного описания дел цеховых, литературно-издательских, показывая, однако, их связь с делами общими: безнаказанность тех, кто врывается в издательства и редакции, конечно, немало говорит о правовом состоянии страны. На ту же тему говорил позже и А. Рекемчук; он настаивал на необходимости государственной поддержки демократических изданий, неизбежно проигрывающих сегодня на рынке. Предмет, прямо сказать, щекотливый, но и отворачиваться снобистски, как многие нынешние публицисты, от самой идеи поддержки президентского курса — а поддержка нуждается, как знает весь мир, в минимальном хотя бы обеспечении, — тоже считало нелепым.

Выступили восемь человек из двадцати трех присутствовавших (официальная часть встречи была рассчитана на полчаса, проговорили дольше).

Ю. Черниченко напомнил, как весной мы агитировали перед референдумом, обещая людям осенние перевыборы парламента. «Прошла осень, мы теперь не можем сказать, что выборы состоятся. Уверены ли мы, что сможем подготовить их зимой?» К концу его речи раздался вопрос Президента — это и был пик встречи:

— А если я скажу, что в ноябре будут выборы?

И продолжал с усмешкой: — Вы что же — думаете, обращение подписали просто так?.. Оно не осталось втуне.

То, что за досрочные выборы высказывается «прогрессивная часть интеллигенции», оказалось, по словам Ельцина, в данном момент важно: «Это

уже политиков ориентирует. И Президента ориентирует. Значит — надо действовать».

Неожиданное заявление Президента хотя и обрадовало гостей, но не ослабило их критического настроения. В Селюнин резко аттестовал недавнее непонятное потакание Лобову («Я прочитал обе записки Лобова, и первую, и вторую — слушайте, нельзя этого делать!»). Пошел спор с Президентом о том, выше ли наши закупочные цены на хлеб — мировых (Ельцин помнил цифры наизусть, возражал, задумывался, записывал).

Лев Разгон: «Нельзя сделать лягушницу, не разбив яйца. Мы все время сидим в глубокой заморозке».

А. Нуйкин напомнил, что в офицерском уставе за промедление в бою полагаются большие наказания. Это был прямой и, конечно, оправданный упрек, и Президент принял его. Вообще его лицо не отталкивало критику, не замыкалось самолюбиво: он очень достойно принимал прямые упреки, на наших глазах как бы вбирая их, переживая услышанное и размышляя, записывая. Это было одно из привлекательных и обнадёживающих впечатлений от встречи. С некоторым удивлением или непониманием, показалось, выслушал он страстные слова А. Нуйкина, обращенные к собственной душе: «Без идеологии общество жить не может. Демократическая идеология не разрабатывается». Это было много не по адресу.

Во-первых, большой вопрос — действительно ли общество не может жить без единой идеологии?

Во-вторых, если «не разрабатывается», то в чем пафос? Кто виноват, кто мешает? Кажется, никто решительно не мешает сейчас любому идеологу разрабатывать все, что угодно.

М. Чулаки говорил о борьбе с депутатской оппозицией. Они должны почувствовать давление двоякое — сверху и снизу. Голосование по всем острым сегодняшним пунктам они должны проводить в условиях избирательной кампании. Он предложил инициировать встречи депутатов с избирателями, которые давно забыли лица своих избранных.

Эмоционально и женственно выступила Татьяна Кузовлева, призывая Ельцина защищать интеллигенцию: «Когда пытаются убрать с политической арены ваших соратников — где вы, наш Президент?»

Я говорила (после Селюнина) о том, что больше всего мы хотели бы сейчас от президента власти решительности, о том, что многое завязает — как завяз конституционный процесс. Ради русской демократии сейчас надо пролить осенние перевыборы парламента. «Прошла осень, мы теперь не можем сказать, что выборы состоятся. Уверены ли мы, что сможем подготовить их зимой?» К концу его речи раздался вопрос Президента — это и был пик встречи:

— А если я скажу, что в ноябре будут выборы?

И продолжал с усмешкой: — Вы что же — думаете, обращение подписали просто так?.. Оно не осталось втуне.

то болото, в которое превратилась внутривластная жизнь страны, — действительно, но исключено, что придет на какое-то время к власти третья сила, а так как мы ее не потерпим, то взрыв будет неминуем. Противостояние легитимностей само собой не исчерпается — здесь нужен прорыв. Президенту незачем сейчас бороться за лавры миротворца — пусть этим занимается Скоков. О чем можно договариваться с Хасбулатовым? Кроме всего прочего, он ежедневно понижает культурный уровень России, закрывает нижнюю его отметку, постоянно обращаясь к низменным чувствам людей и низшим слоям общества.

Мы хотим последовательности действий Президента в отношении правительства. Мы доверяем А. Чубайсу, Б. Федорову и мы ждем, чтобы кабинет пополнялся новыми людьми, чтобы из него убывали люди старой складки; нынешний баланс только минимум.

Наконец, мы ждем и требуем динамики, постоянной активности Президента. Так, он не может себе позволять исчезать в решительные да и всякие другие моменты — он всегда должен быть готов ответить на любые вопросы, на любой вызов оппонентов. (Об этом говорил потом и Ю. Карякин — «нельзя вам сейчас отдыхать» — и Президент сказал: «Вы меня очень огорчили. Потому что как раз я собирался в конце сентября...»).

За ужином беседа продолжалась и набирала обороты. Ельцин говорил, что в самые ближайшие дни он объявит о своих очень решительных шагах, и Карякин заметил среди прочего: «Вы сами должны сказать, что есть в России альтернатива Президенту, что надо ее искать». «Чтоб не содалось впечатления», — добавила я, — что вы просто держитесь за кресло». Президент выслушал и это с вниманием и пониманием. Вообще в сегодняшнем море амбициозности он приятно удивил явным отсутствием мелочного самолюбия и самолюбования. Другое важное впечатление — до конца вечера (он принимал нас в течение пяти часов) Ельцин сохранял полную ясность мысли, быстроту и адекватность реакции. Ошибиться здесь невозможно — в личной беседе наличие или отсутствие этих качеств проявляется непременно.

Не разягченный застольем К. Азадовский решительно заговорил об одном из бывших в глаза безобразий сегодняшней российской жизни: «Те люди, которые арестовывали меня, допрашивали, отправили в лагерь», — они все по-прежнему на своих местах. И мы по-прежнему не знаем, Борис Николаевич, что происходит в этих учреждениях, чем они сегодня заняты». Через какое-то время я сочла нужным еще раз привлечь внимание Ельцина к проблеме, поднятой Азадовским но тот не отвечал прямо, рассказывал о рассекреченных им лично архивах, материалах Катини...

Он долго слушал нас, прежде чем твердо сказал о Гаидаре и Лобове, — то самое, что было обнародовано через два дня. Но назначение Лобова на должность секретаря Совета безопасности опять заставило людей бесплодно ломать голову над проклятым вопро-

сом «зачем?». Неожиданность, необъяснимость многих действий Президента остается постоянным и малоприятным фактором. Но, как сказал в недавнем нашем разговоре известный славист Жорж Нива: «Дело ведь не в том, какой Президент вам нужен, а в том, что у вас есть Президент; он избран народом, доверие к нему подтверждено, и он его еще не обманул».

Нет, в нашем умозрении такой ход мыслей — все еще экзотика.

Один из самых симпатичных мне сотоварищей предсказывал накануне встречи: «Боюсь, что это будет пропагандистское шоу. Впрочем, все быстро станет ясно: если мы увидим телевидение — значит, я прав». Теперь, когда мы возвращались в десятом часу, он сказал: «Нет, это было совсем другое» (телекамеры, кстати, унесли сразу после вступительного слова Президента). Он, опытный человек, был уверен, что мы не зря потеряли время.

Хозяин был корректен, внимателен, ничем не задел моего, например, вкуса и достоинства, не покорибил. Он и правда хотел поговорить с нами — в дни, когда готовился к очередному и еще более острому, чем до сих пор, столкновению с антиреформаторскими силами. Ему важно было лично удостовериться, что к неизбежно резкому выходу из ситуации склоняются и люди культуры и науки; он хотел еще раз проверить себя, да и увидеть, на какую поддержку людей пишущих он может рассчитывать. И все это, на мой взгляд, не криминально и не постыдно, а естественно.

Кончается вторая неделя после решительного шага Президента. Мир его поддержал. Народных масс, вставших на защиту своих депутатов, тоже не видно (кроме толпы вокруг Белого дома — толпа же, как известно, способна на все). «Гражданские свободы», как и обещано было, не пострадали. Трехмесячное отсутствие парламента — факт неприятный, но и в сравнении не идет с тем, какой вред ежедневно наносила демократии и парламентаризму хасбулатовская корпорация. Отечественные перья и языки соревнуются в скептических оценках.

Несколько вопросов, выглядящих риторическими, но таковыми на самом деле не являющихся.

Почему любая поддержка власти у нас до сих пор считается чем-то заведомо сомнительным? Чего мы ждем? Какого принца рисуют в своих детских или девичьих мечтах наши журналисты? Почему столько эмоций, столько чтения в сердцах — и в то же время запутывающей себя и других умозрительности, самолюбивого доктринерства вносят они в простые и ясные вещи? Почему циники вдруг так себя заужавали? По какому поводу делает такое твердое и мужественное лицо ведущий нынешнего «Политбуро»? Какие ценности он берет за щипца? Или он берез не видит разницы между тем Белым домом, в котором провел три ночи два года назад, и нынешним? Почему все более и более недовольны многие либеральные журналисты «всем, dare и Лобове», — то самое, что было обнародовано через два дня. Но назначение Лобова на должность секретаря Совета безопасности опять заставило людей бесплодно ломать голову над проклятым вопро-